

К. С. Васильцов

**«БЫКОЧЕЛОВЕК», ПРОРОК ДА'УД
И СВЯЩЕННЫЕ КУЗНИЦЫ:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
ПО ПОВОДУ ДВУХ ФОТОГРАФИЙ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ И. И. ЗАРУБИНА**

За годы своей научной деятельности И.И. Зарубин, по праву считающийся основателем отечественного памироведения, в Горном Бадахшане в общей сложности провел чуть более двух лет (экспедиция 1914 г. совместно с тогда уже известным французским иранистом, автором первой грамматики согдийского языка Р. Готьо, и экспедиции 1915–1916 гг.). Однако едва ли будет преувеличением сказать, что это были одни из самых плодотворных периодов в его карьере. Именно в эти годы ученым был собран обширный материал, касающийся практически всех сторон жизни малоизвестных к тому времени памирских горцев. Нельзя переоценить заслуги И.И. Зарубина в области этнолингвистики, ему удалось описать и дать лингвистический анализ живых памирских языков, оставить небольшие заметки по уже мертвым к началу двадцатого века языкам, таким как, например, мунджанский. Безусловно, значительной была роль И.И. Зарубина как музейного работника и собирателя, в результате своих экспедиционных исследований он собрал многочисленные предметы материальной и духовной культуры памирцев, которые легли в основу двух больших коллекций, хранящихся ныне в фондах МАЭ РАН.

Из Горного Бадахшана И.И. Зарубин привез также уникальный фотоиллюстративный материал (колл. № 2371, 2372, 2499, 2621). Тем не менее до настоящего времени этот ценный источник по повседневной жизни, занятиям, религиозным отправлениям, обрядовым практикам редко оказывался в сфере научного интереса современных исследователей, как отечественных, так и за-

рубежных. Визуальная антропология как специальная отрасль знаний пока еще находится на стадии становления, существуют различные, часто вовсе противоположные мнения относительно ее философских, методологических и источниковедческих оснований. Фотографии «еще молчат». Между тем мало кто сомневается, что исследование, в котором фотография помещается в определенный исторический и культурный контекст, дополняется «фоновыми знаниями», почерпнутыми из традиционной дискрептивной этнографии и нарративных источников, будет в выгодную сторону отличаться от «обыкновенных» работ, прежде всего потому, что визуализирует, иначе истолковывает или помогает истолковывать казалось бы привычный фактический материал. Именно в этом ключе мы предлагаем рассмотреть несколько фотографий И.И. Зарубина, сделанных им в долине р. Бартанг а 1914 г. Речь идет о традиционных памирских кузницах и работе кузнеца.

Как отмечает И.И. Зарубин в материалах экспедиции 1914 г., среди прочих ремесел наиболее почитаемым на Памире считалось кузнечное искусство, а сам кузнец пользовался большим уважением, чем мулла, и в общественной иерархии занимал место, одинаковое с *халифа*¹ [Зарубин 1926: 1165]. Кузнец должен был быть чистым духовно и телесно, воздерживаться от всякого рода дурного дела, перед началом работы совершать омовение и отпускать молитву, поскольку в противном случае его могло постигнуть несчастье (он мог утратить свое мастерство, ослепнуть и т.д.). Кузницы чаще всего располагались на открытом воздухе. Кузнецу в его работе помогал подмастерье, который мог начать самостоятельно работать только с разрешения мастера и после поднесения ему установленных подарков. Звание кузнеца становилось, по обыкновению, наследственным [Зарубин 1917: 126], хотя, конечно, существовала также практика, когда мастер брал себе ученика «со стороны». Срок обучения варьировался от трех до четырех лет, в течение которых ученик жил в доме мастера и работал на него, постигая одновременно тонкости кузнечного ремесла. По окончании обучения мастер обязан был обеспечить ученика всеми необходимыми инструментами, родители ученика в свою очередь в качестве вознаграждения выдавали кузнецу следующее: быка (взрослого средней величины по стоимости равного 12 баранам), халат высшего качества (по стоимости равный четырем баранам), пару сапог и пару *джурабов*, рубаху и штаны, тибетейку и чалму [Зарубин 1926: 1165].

Кузницы, по сведениям И.И. Зарубина, почитались также как *остоны* и священные камни². Когда жители с. Нусур-Барчидив по окончании земледельческих работ возвращались на зимний период в Нусур, все мужчины собирались сначала на крыше дома местного кузнеца, рядом с его кузницей. Затем, взяв с собой деревянные миски с кислым молоком и жертвенные лепешки, отправлялись в кузницу, совершали там *зийарат*³ перед наковальной,

¹ Халифа (букв. «заместитель, наместник») — помощник пира, который служил посредником между пиром и его мюридами. Основные обязанности халифа состояли в сборе пожертвований и исполнении некоторых треб. После упразднения института пиров — духовный руководитель исмаилитской общины селения.

² Остон — место паломничества, культовый объект. Может относиться как непосредственно к могиле святого, так и к почитаемым природным объектам (деревьям, камням, водным источникам).

³ Зийарат (букв. «посещение») — паломничество к священному месту, включающее в себя отправление определенных обрядов.

брали ложкой немного кислого молока и мазали им наковальню. Вечером того же дня во время повторения общественной трапезы жители вновь собирались в кузнице, делали *зийарат* и бросали несколько крошек хлеба на наковальню [Зарубин 1926: 1165]. Почиталась не только кузница, но и само место, где она располагалась. По сведениям И.И. Зарубина, кузнец в с. Поршинев несколько лет работал на одном месте, но затем перешел в другое. После этого старое место работы местные жители окружили оградой, закрепив за ним, таким образом, статус *locus sacra* [Там же].

Ритуалы, совершаемые обыкновенно во время *зийарата* к остону, выполняются при посещении кузницы. В одном из селений Рушана сохранился обычай возжигать у местной кузницы траву благовония (*стирахм*), совершать обряд *чарогравшан*, произнося при этом традиционную формулу: «*Ё Довуд пайгамбар мадад!*» («Пророк Дауд, помоги!») [ПМА 2010]. Согласно традиции, инструменты кузнеца также имеют своих покровителей: кузнечные клещи (*анбур*) — Имам Хасан и Имам Хусайн, *хайас* — Джабраил, наковальня (*сандон*) — Муртаза 'Али. Наковальня, кроме того, использовалась в магических практиках традиционной медицины, существовало во всяком случае представление, что, если во время тяжелой болезни бросить наковальню в воду, больной вскоре должен почувствовать облегчение. В прошлом кузнец во вторник и пятницу не работал, поскольку считалось, что в эти дни там работали ангелы (*фиришита*), кроме того, пятница считается днем отдыха у пророка Да'уда. Подобное отношение распространяется и на орудия кузнеца, и на некоторые предметы, сделанные из железа. Один из распространенных мифологических сюжетов в Бадахшане — легенды о волшебном котле, которым часто обладали местными святыми (Шобурон Вали, Шохамуш, Камбари Офтоб и др.).

Мотивы почтительного отношения к кузнице и профессии кузнеца объясняются, с одной стороны, тем обстоятельством, что кузнечное искусство, как и всякое другое ремесло, имело, согласно бытовавшим повсеместно в землях ислама (*дар ал-ислама*) представлениям, своего духовного покровителя (*пир*), в качестве которого выступал, как правило, тот или иной выдающийся религиозный деятель, мифический персонаж, получивший свои знания от Бога и распространивший их среди людей. *Пиром* земледельцев был Адам (в Центральной Азии этот коранический персонаж идентифицируется иногда с Бобо-дехконом), мастеров по изготовлению лодок — пророк Нух, среди цирюльников почитался Салмон-и Пок (Салман ал-Фариси), покровитель крупного рогатого скота — Зенги-ата и Чупон-ата. Патроном кузнечного ремесла на Памире (в Центральной Азии и мусульманском мире в целом) считался Да'уд. Да'уд (библ. Давид) упоминается в Коране, в некоторых местах вместе со своим сыном Сулайманом (библ. Соломон). Он убивает Джалута (библ. Голиаф; 2:251), Бог устанавливает его в качестве халифа на земле (38:26), дарует ему знание ('*илм*) и мудрость (*хикма*), а также возможность вершить правосудие (*хукм*; 21:78, 37:21–24, 26), ниспосылает *забур* (псалтырь; 4:163), делает горы и птицы его слугами, которые прославляют его (21:79, 34:10, 38:18). Кроме того, Бог научил Да'уда изготовлять кольчугу из железа: «Да'уду Мы даровали от нас преимущество: О горы, прославляйте вместе с ним, и птицы! Мы смягчили ему железо: Делай спускающиеся вниз и размеряй панцирь. Делайте благое, я вижу то, что вы делаете!» (34:10). Этот коранический пассаж восходит, по всей видимости, к древним доисламским

представлениям, во всяком случае уже в джахилийской поэзии имя Да'уда упоминается помимо прочего именно в этом контексте, т.е. как создателя кольчуги [Paret 1991: 182].

Подобные сюжеты нашли свое отражение в фольклорных нарративах, распространенных на Памире. Один из них приводит в своей работе И.И. Зарубин:

Первый кузнец появился от святого пророка Давида. Шугнанские же кузнецы обучились у святого Шои-Сафдара. Старики рассказывают, что один мастер видел сон, и по своему сну отправился к Шои-Сафдару. Тот сказал: «В моей мастерской есть наковальня, молот и щипцы — возьми их и работай». Этот человек сказал: «Что я буду работать»? Тот сказал: «Сделай нож». Сначала этот сказал: «Я нож делать не могу». Тогда тот вырезал ему деревянный нож, (и сказал) «по этому образцу делай». Потом распорядился: принеси угляй, и он (мастер) принялся за работу. От него мастерство досталось его сыну, дошло до его внука; от его внука к его правнуку, пришло таким образом. Нынешние кузнецы от его потомков научились. Теперешние шугнанские и рушанские кузнецы все от них научились. Таков рассказ стариков [Зарубин 1926: 1169].

Зафиксированный сто лет назад фольклорный сюжет демонстрирует устойчивость и с некоторыми вариациями продолжает воспроизводиться в современных условиях.

Нақл мекунанд, ки Довуд пайгамбар ва бобои Дехқон бо ҳам дустии доштанд. Барои бобои Дехқон аз ҳаво ду 'уфт гов омадааст. Ва аз тарафи Худованд ҳукм шуд, ки говҳо бояд заминро шудгор кунанд. Ин буд, ки гузаштағони мо таъкид мекарданд, ки ҳангоми шудгор кардан ҳаргиз ба пушти гов бо химча назада, ба поҳояш зананд. Онгоҳ барои шудгор асбоб лозим шуд. Сохтани асбоб гуё вазифаи Довуд пайгамбар буд. Вале мардум намедонист, ки чи хел назди Довуд пайгамбар раванду ба у арзашонро гуянд, ки барои онҳо асбоби шудгоркунӣ ёд диҳад. Дар ҳамон лаҳза як олим гуфтааст, ки Довуд пайгамбар дар рузи 'умба ба сайру ғашт мебарояд. Шумо дар роҳе, ки Довуд пайгамбар аз бозғашт меояд, ангишт монед. Вақте ки Довуд пайгамбар аспавор меояд, назари у ба ангишт меафтад, фавран аз асп фуromaда, онро гирифта дар телпакаш мемонад. Дар ҳамин лаҳза лаъоми аспашро дошта гиред. Мепурсад, ки чи мақсад доред. Он ӯ бо зорию тавалло барои шудгор асбоб талаб карданд. Довуд пайгамбар чи хел сохтани он асбобро ба онҳо ёд медиҳад. Коргоҳи ҳазрати Довуд пайгамбар аз ҳамон давра пайдо шуд. Мо дар коргоҳи ҳазрати Довуд назру ниёз мекунем.

Перевод⁴.

Рассказывают, что пророк Да'уд и Бобо-дехкон находились в дружеских отношениях. Для Бобо-дехкона с неба спустилась пара быков. Господь повелел, что быки должны пахать землю. В давние времена у наших предков меж собой такое было мнение, что во время пахоты быка никогда не били прутом по спине, а только по ногам. Для пахоты были необходимы орудия. Говорят, что занятием Да'уда было изготовление различных орудий. Однако люди не знали, каким образом добраться до пророка Да'уда и рассказать ему свою просьбу, чтобы он изготовил им необходимые орудия. Тогда нашелся один знающий человек, который сказал, что

⁴ Автор выражает благодарность Ш. Юсуфбекову, любезно предоставившему этот материал.

пророк Да'уд по пятницам отправляется на прогулку. Оставьте на дороге, по которой пророк Да'уд проезжает, немного угля. Когда пророк Да'уд сядил на коня, он заметил уголь. Немедля он спешил, взял уголь и положил его в свою шапку. Тут люди и схватили его лошадь за уздечку. Пророк Да'уд спросил: «Что вам надо»? Тогда люди принялись умолять его изготовить им орудия для пахоты. Пророк Да'уд научил людей, как изготавливать различные инструменты. С тех пор и появились кузницы пророка Да'уда.

Приблизительно в том же духе рассказывается о появлении железа на Вандже:

Железо принес святой Джабраил из рая для святого Довуда. Он велел Довуду изготавливать орудия из железа голыми руками. Довуд разжег огонь, сунул в него железо и стал ковать наконечники для сохи, серпы, тяпки, кирки. Меха также Джабраил передал Довуду. Довуд получил ковать железо мастеру Хурдаку. Хурдак некоторое время ковал железо голыми руками, но однажды поступил неправедно. Он отказался выковать наконечник для сохи бедняку, но изготовил его богатому. После этого Хурдак уже не мог работать с железом голыми руками. Хурдак пожаловался Довуду, что он не может брать раскаленное железо голыми руками. Довуд укорил его за провинность и велел изготовить клещи наподобие собачьих передних лап и впредь работать этими клещами. Хурдак изготовил такие клещи. Потом и Хурдак и другие кузнецы доставали раскаленное железо из воды клещами. Довуд у нас считается покровителем кузнецов, ювелиров и всех тех, кто работает с металлом [Розенфельд 1990: 193].

По другой версии железо в долину Ванджа принес Хизр — легендарный чудотворец, которому приписываются различные чудеса, в том числе умение оживлять умерших «живой водой» (*оби хайот*) из найденного им источника. В ванджской долине добывали железную руду, повсеместно встречались доминицы и существовал железоделательный промысел. Ванджская долина славилась своими кузнецами и ювелирами.

Памирские фольклорные нарративы повторяют в целом письменные ремесленные *рисала* (уставы), бывшие обязательным атрибутом цеховых организаций Центральной Азии, вплоть до конца XIX в., хотя разрушение этого института в городских районах произошло, по всей видимости, несколько раньше, чем на Памире. Во всяком случае Наливкин в своей работе высказывается по этому поводу вполне определенно: «Теперь, когда житейская роль многих сторон ислама в среде местного населения рушится на наших глазах настолько, что не замечать это могут только очень близорукие, рисоля в загоне и ее не всегда даже можно раздобыть; но прежде, и сравнительно еще недавно, за несколько лет до прихода сюда русских, каждый мало-мальски солидный земледелец, прежде чем вывести в первый раз весной плуг на работу, варил палау, кормил им домочадцев и работников, читал последним или заставлял кого-либо читать вслух рисолю, мазал льняным маслом рога волов, дабы предохранить их от разных болезней и тогда только приступал к работе» [Наливкин 1886: 18].

В качестве примера можно привести небольшой отрывок из *рисала* о кузнечном ремесле, распространенный среди сартов Самарканда, основная сюжетная канва которого воспроизводится в памирском фольклорной традиции:

Во имя Бога милостивого и милосердного, знайте и имейте в виду, что отец пророка Давида был Иша, который также занимался этим ремеслом (кузнечным). У пророка от отца и матери было много братьев; самым маленьким из них всех был святой пророк Давид. Однажды святому Гавриилу, мир ему; послышался голос от питающего мир: «Гавриил, ступай к святому Давиду, и передай ему мою волю». Святой Гавриил, мир ему, придя к святому Давиду, мир ему, сказал: «Брат, Всевышний Бог прислал вам эту рисоля кузнечного ремесла, говоря, пусть промышляют, от вас же да будет известно всему народу; пусть работают сообразно предписанию этой рисоля», — таково было предписание. Святой имам Джафар правдивый, соответственный путеводитель, да будет доволен им Господь, рассказывает, что Славный Всевышний Бог приказал четырем приближенным ангелам: «Принесите из райских гор камень». Четыре приближенных ангела принесли камень, положили его в огонь и раздували с четырех сторон. Затем произнесли следующий стих: «Слава Великому Богу», — и камень тот стал железом. Из железа ангелы сделали наковальню, а из кож райских овец сделали меха. Взяв из ада огонь, окунув его семь раз в воду «милосердия», они положили его в угли; приготовив надлежащим образом все эти принадлежности, ангелы принесли их и вручили святому пророку Давиду. Прежде всего Давид, раскалив камень, начал его бить руками и камень заблестел подобно свинцу, с каждым ударом его рук, камень растапливался как свинец. Затем, вновь собирая руками, Давид отбивал его, и камень превратился в железо, (из него) он сделал различного рода инструменты, снаряды и оружие. Искусство это стало известным всему миру. На четырех углах той наковальни были написаны следующие стихи: на первом углу: «Во имя Бога, клянусь Богом, который...»; на втором углу: «Во имя Бога и от Бога; на четвертом углу: «Во имя Бога и величие Бога»; и на четвертом: «Во имя Бога, Бог великий». Ежели спросят: есть ли ремесло кузнецов фарз, ваджиб, суннат, мустахаб? Отвечай: Всевышний Бог приказал святому Гавриилу, мир ему — стало фарзом, исполненное ангелами — стало ваджибом, совершенное святым Давидом, мир ему, — стало суннатом. Если спросят, сколько пиров было в этом ремесле? Отвечай: четыре «наисовершенных» пира. Так, первым был святой Адам, чистота Божия, вторым святой Ной, пророк Божий, третьим святой Авраам, друг Божий, четвертым — святой Мухаммад, избранный, да благословит его Господь, и да приветствует. Ежели спросят: сколько было пиров-муришидов? Отвечай: пров-муришидов было двенадцать; а если спросят: кто они такие были? Отвечай: сначала у святого Давида научился святой Ходжа Джалаля эд-дин, вторым научился святой Ходжа Ибрагим, третьим научился Абу-л-Хасан, у него научился Ходжа Абду-л-лах, святой, у этого научился Ходжа Тираз, у него научился святой Ходжа Ширази, у него научился Ходжа Хисам эд-дин, а у него научился Ходжа Джалаля-эд-дин, а от этого осталось всем старцам, которые открыли, т.е. сделали это ремесло распространенным по всему миру.

Интересные параллели можно провести между пророком Даудом, патронном кузнецов и кузнечного дела, и другим персонажем центральноазиатского пантеона святых — Джоумардом, покровителем мясников, образ которого в хорезмийских легендах сохранил множество архаических черт. Центральный объект культа этого святого — искусственный холм, в котором согласно одним преданиям находится могила Джоумарда, согласно другим — мечеть, располагается на кладбище Миздахкан около Ходжейли. По легенде он жил во вре-

мена правителя из династии Сасанидов Хосрова Ануширвана, днем он был мясником (кассоб), а ночью выполнял функцию «тайного агента» — выслеживал неугодных Ануширвану людей и доставлял их во дворец. Предком Джоумарда в семнадцатом поколении был Хушам-шах, отец Джамшида (авестийский Йима). Хушам-шах первым научил людей резать скот. Когда-то он был украден дэвами и провел у них в плену восемнадцать лет, за которые научился семидесяти двум занятиям — шить одежду из овчины, прясть шерсть, делать седла, добывать в горах железо, плавить чугун и многому другому. Все свои знания Хушам-шах впоследствии передал людям. Продолжателем его дела стал Джоумард. Именно он обучил хорезмийцев ювелирному искусству, столлярному делу, добыче в горах золота, серебра, железа и других металлов [Снесарев 1969: 295–96].

Образ Джоумарда, как показал Ю.В. Кнорозов, восходит к зороастрийскому Гайомарду, первому человеку, сотворенному вместе с быком [Кнорозов: 91–2]. С точки зрения этимологии Гайомард соответствует Гавомарду, что означает буквально «быкочеловек» (гав — бык, мард — человек), согласно наиболее древним мифическим представлениям — основатель человеческого рода [Трэвер 1940:82–85]. В пехлевийском тексте Меног-е храд приводится описание этого полубожества: «И от ног до половины тела он — бык, и от середины тела вверх — человек» [Чунакова 2007: 67]. Позднее этот мифологический персонаж приобретает антропоморфный облик, а затем в иранской эпической традиции превращается в первого царя Кийюмарса и далее входит в средневековую мусульманскую агиографию под именем Джоумард [Снесарев 1969: 297]. В хорезмийских легендах постоянно подчеркивается связь этого персонажа с металлами (научил жителей Хорезмийского оазиса добывать металлы, в том числе благородные). Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что согласно преданиям он является потомком Хушам-шаха, о котором в иранском эпосе Шах-наме сказано:

Сначала к познанию направил труды,
Владыка железо исторг из руды;
Основой тогда процветания стал
Блестящий, из камня добытый металл.
Царь создал мотыгу, топор и пилу,
Начало кузнечному дал ремеслу.

Джамшид (сын Хушам-шаха, авестийский Йима) также упоминается в связи с металлами и горным делом:

Он золото, яхонт, алмаз, серебро
Из сердца гранита исторгнул хитро,
И недра горы покорились ему...

При кажущейся незамысловатости и наивности приведенных выше памирских фольклорных текстов, они, тем не менее, репрезентируют целый пласт древних верований, содержащих цикл кузнечных мифов, которые сохранились с теми или иными изменениями в более поздней мусульманской традиции. В структуру кузнечного культа входят почитание небесных покрово-

вителей кузнечного ремесла, представление о кузнеце как о сакральном члене коллектива, по своему статусу близкому к *халифа*, восприятие кузницы в качестве священного места, которое, с одной стороны, реализуется в особом отношении к кузнечным инструментам, ремеслу кузнеца, а также изготавливаемым им изделиям, и в строгой регламентации обрядовых практик, посвященных патрону кузнечного ремесла, — с другой.

Библиография

Гаврилов М. Рисоля сартовских ремесленников. Ташкент, 1923.

Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. V. Пг., 1918. Отдельный оттиск.

Зарубин И.И. Сказание о первом кузнеце в Шугане // Изв. Академии наук СССР. Сер. VI. № 12. М., 1926. Отдельный оттиск.

Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби // СЭ. М., 1949. С. 79–82.

Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

Розенфельд А.З. Сказки и легенды горных таджиков. М., 1990.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Трэвер К.В. Гопат-шах — пастух-царь // Труды отд. Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1940. Т. 2. С. 70–85.

Чунакова О.М. Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума. Сотворение основы. М., 2007.

Paret P. Dawud // EI. Vol. 2. P. 182.

Рис. 1. Работа кузнеца в с. Басид. 1914. И.И. Зарубин. МАЭ РАН.
Колл. № 2372-101

Рис. 2. Работа кузнеца в с. Басид. 1914. И.И. Зарубин. МАЭ РАН.
Колл. № 2372-102

Рис. 3. Работа кузнеца в с. Басид, 1914. И.И. Зарубин. МАЭ РАН.
Колл. № 2372-103

Рис. 4. Работа кузнеца в с. Басид, 1914. И.И. Зарубин. МАЭ РАН.
Колл. № 2372-104

Рис. 5. Работа кузнеца в с. Басид, 1914. И.И. Зарубин. МАЭ РАН.
Колл. № 2372-105